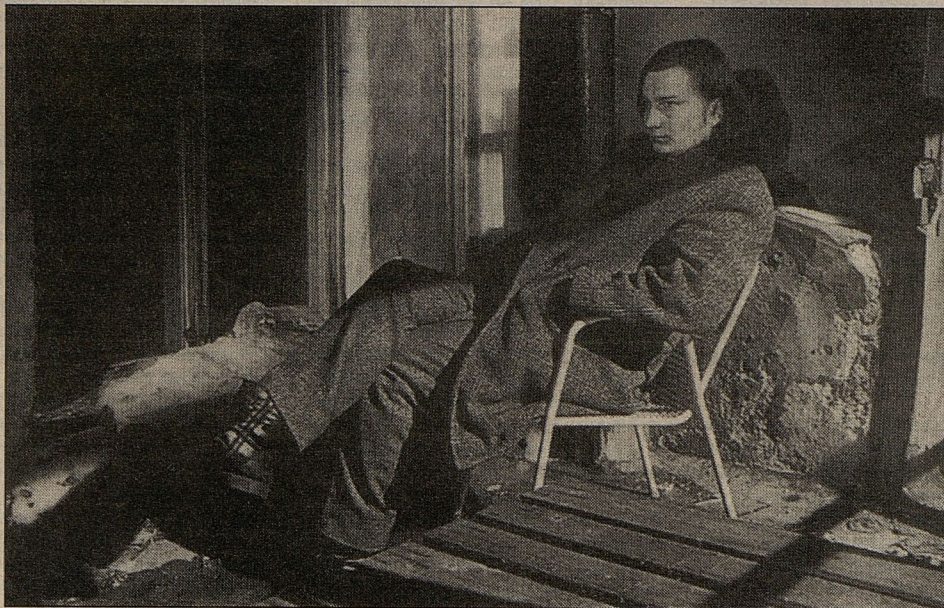

Аки КАУРИСМЯКИ:

«Только русский поймет чухонца»

вот тоже начал с шедевра — «Преступления и наказания», фильм, правда, не был шедевром, зато роман — да.

— А если отвлечься от кино, как вообще финны относятся к России?

— Согласно опросам, 60 процентов отрицательно. Раньше большевики говорили, что самое важное — кино, потом — электрификация, теперь самое важное — уничтожить Чечню. Господин Путин встречался с солдатами в Чечне и подарил каждому по финскому ножу.

— Значит, русско-финская дружба — блеф?

— Нет, не блеф. Русские — единственные, кто чухонцев понимает. Но надо откровенно говорить о наших отношениях. Много лет назад я был в составе делегации в вашем Союзе кинематографистов. Показывали мой фильм «Союз Каламари», говорили речи. Ни этот фильм, ни мои слова не могли продвинуть нашу дружбу. А что я сказал? Я сказал: а вы думаете возвращать Карелию? Ваши отцы и деды украли, вернете ли вы? Переводчик же что-то нес о традициях дружбы между финской и советской молодежью. Наша дружба, что тянется с 1809 года, — какова она? Дружим ли мы потому, что финны за эту дружбу платят? Или дружили бы сами по себе? Мы финансируем ремонт библиотеки в Выборге и очистку канализации в Петербурге. Петербуржцы какают — я плачу. Но даже финн не так глуп, чтобы не понимать, какова пенсия у русской бабушки, он способен отделить государственную машину от человека. Мы могли бы быть псами, лающими на слона, но предпочли лояльность по своей воле, потому что мы — оппортунисты. Чем наглее государственная машина, тем больше уважаешь людей, которые сохраняют человечность и пытаются честно делать свое дело. Не они, а государственная машина — вот что раздражает демократа. Впрочем, кажется, это у вас теперь ругательное слово.

Пройдя «трудную тему», переходим к более приятным — музыке, живописи.

— Я слушаю ту же музыку, что звучит в моих фильмах, — от танго до ритм-энд-блюза. В 16 лет передо мной крутились две пластинки — «Ленинградская симфония» Шостаковича и Фрэнк Запа. Это меня хорошо характеризует, правда? В конце вечера — Запа, а по ночам — Шостакович. И «Renegades» — английская группа, которая почему-то была популярна только в Италии и в Финляндии. Из финской живописи люблю Эдельфельта. Для фильма «Никчемные» попросил жену нарисовать копию его картины, восхищаюсь его техникой, хотя обычно я люблю, чтобы к технике прикладывалось немного содержания. Молодым безумно любил Дали, и до сих пор мне близок сюрреализм. Сейчас очень нравятся Боннер, и все больше — Ван Гог. Он — самый великий. Однажды я был в Москве и попросил отвезти меня на окраину поля, где стоит памятник Малевичу, вылил к его подножию

полбутылки водки. Потом подъехал в Подмошье к его дому, но там... я друг собак, но пес злобно облеял меня из-за забора, и я понял, что иноземцу туда не надо.

— А куда надо? Вот ты полгода проводишь в Португалии. Почему именно там?

— Португалия интереснее, чем Франция. Франция остановилась, а Португалия рвется к капитализму. И кто я такой, чтобы сказать, что это плохо? Здесь была диктатура сорок лет, теперь внуки тратят деньги, лежавшие у дедов в мешках, покупают дорогие машины, а потом себя убивают. Выживают всегда Шемейки.

— А если сравнить Португалию не с Францией, а с Финляндией — есть сходство у этих стран на краю Европы?

— Португалия — Финляндия? Я неизлечимый шовинист. На самом деле я неизлечимый феминист, только не говорю это женщинам, а то они чересчур загорятся. Однажды ехал на кадиллаке по самому югу Европы, в баке закипела вода, мы остановились в деревне у памятника, жена прочла надпись: это был чистый финский язык. Финны происходят от этрусков, разве не знаете? Жаль, что мы превратились в овец. Скоро в Финляндии везде запретят курить. А в Португалии только в моргах не курят. У нас хотят жить вечно, а все равно дело кончается смертью.

— Ну так что — португальцы, они похожи на финнов?

— Когда-то я хотел снимать «Юху» в горах Португалии в цвете и со звуком. После полутора страниц сценария остановился и понял, что не знаю этой культуры. Для меня остается вечной тайной, что эти люди думают и чувствуют в глубине души. Я писал сцену, где Мария, собираясь в поле, заворачивает в шарф хлеб и сушеную свинину. Но я не мог ТОЧНО знать, как она это делает.

— А сейчас, познакомившись с Португалией поближе, ты бы не хотел снять там кино?

— В 1989 году это была очень невинная страна. Основные нужды людей были удовлетворены: они ездили в поездах, не голодали. А сейчас — бог знает что. Бывало, мне хотелось выйти на площадь и закричать: не делайте этого, я уже видел эту ошибку! Они за 6 лет достигли того, что мы, финны, за 35. Матушка Россия сегодня тоже недалеко от этого общества всеобщего потребления. Только одни употребляют, а другие дают употребить себя. Все-таки португальцы сохранили свой характер, ярмарки, свой товар. Но каждый уже хочет лучшую машину, трясется над ней, правда, через месяц наедается полировать кусок металла, он ее бросает и болтается в барах. Те, кто родились еще до гвоздичной революции, не изменились. Но с молодыми я не ощущаю такой связи. Может быть, просто я уже слишком постарел.

— А ты знаком с самым знаменитым португальским режиссером — почти столетним Оливейрой?

— Мы как-то встретились на одном празднике, там еще был Марчелло Мастоияни, который тогда снимался у Оливейры — чуть ли не в последний раз. Было весело. Португальцы — мистический народ. И юмор у них совсем другой. Я могу заставить целый бар заливать от хохота, хотя и сам не знаю, как мне это удастся. Финский юмор рождается как бы от противного, а у них он вырастает из положительных начал. Они любят семью. И родню, и даже ритуал смерти. Они — маленькие дети. Но тем не менее этот самый западный народ Европы, западнее даже Франции, — самый славянский народ. Более дружелюбного я не встречал, а в моем возрасте уже нелегко завести новых друзей.

— Когда вы с Микой начинали карьеру, что вами двигало?

— В конце 70-х финское кино было застывшее — эдакие портреты великих финнов. А мы с братом были полны анархической силы и желания действовать. Противотечение родилось еще до нас, но оно было где-то на окраине. Мы придали ему азарт, движение, скорость. В общем, мы повлияли и продолжаем влиять на финское кино и в хорошем, и плохом смысле. Скромность не украшает человека. А то будешь выглядеть еще глупее.

— А каковы сегодня твои отношения с кино?

— Иногда говорят — кино кончилось, иногда мне кажется, что его и не было, что оно кончилось уже давно, в начале 60-х — в том смысле, как я его понимаю. И никто этого не замечает. Я слишком старый пес, чтобы изменить свои привычки и навыки. Но вопрос «Зачем делать кино?» все равно встает перед глазами. Когда молод, хватаешься за все, с жадностью ждешь каждого рабочего дня. А теперь у меня внутренний страх: что, если нечего сказать? Хотя профессионально я в хорошей форме. Нельзя снимать просто потому, что у тебя есть производственная компания. Могу сделать фильм хоть о жене Лота — но это будет фильм о соляной промышленности. Кстати, неплохая идея. И название — «Жена Лота». И рассказывать этот фильм будет о том, какой это ал — брак. Но ничего личного. Слава богу, моя жена умнее меня, и это делает мою жизнь интересной и насыщенной.

— Неужели ничто из происходящего в кинематографе, из того, что делают коллеги, с кем ты раньше дружил, тебя не радует?

— С Джармушем все еще дружим. Альмодовара ценю и Кена Лоуча. Но я бы всю западную культуру отдал за один фильм «Кубок», снятый буддийским монахом, — только так дешево не отдают. Это кино такое же прекрасное, как шедевры Одзу, но оно так же одиноко. Все больше думаю, что кино — это опиум для народа, и даже не чистый опиум. Это кока-кола, продукция, которая меряется только деньгами. А тема может быть сколь угодно идиотской: конкурс пуканья. Все труднее верить, что это форма искусства. И просто смешные вещи обретают популярность только потому, что их многие видели. Когда это началось — что количество зрителей стало все определять? Я действительно считаю, что один настоящий зритель значит больше, чем 300 идиотов. Если фильм или книга изменят жизнь одного человека, это важнее, чем если 300 идиотов съедят свой попкорн. Мне звонит механик: «У меня один человек в зале!» Говорю: «Зачем звонить? Он же купил билет!»

— А кто ходит к вам в кино?

— Есть еще такие люди — воспитанники кино-клубов. Пускай мало зрителей ходит, но это культурная работа, и будем ее продолжать. Вообще-то я неплохой бизнесмен и хочу хоть немного отвоевать места для культуры. В Финляндии считают, что раз у нас есть Nokia, значит, уже не до библиотек. У нас есть ум, только мудрости не хватает. И все равно у Годара больше зрителей в Хельсинки, чем в Париже. Почему-то большие прокатчики ненавидят кинолюбное движение. У нас его просто-напросто убили. Может быть, потому, что для кинолюбных надо печатать новые копии? Если в клубе 50 человек, то посчитайте, сколько стоит копия? В 70-е годы благодаря киноархивам клубы были насыщены самыми редкими фильмами. Мы посмотрели все, которые пришли в наш город, кроме отъявленного говна, — впрочем, и его тоже.

— В твоих фильмах всегда борются пессимизм с оптимизмом. Что победит?

— Надеюсь, не человек в погоне. Хотелось бы верить, что мир прекрасен, но трудно. Если бы мир не сошел с ума, то кризис в Судане прекратился бы с самого начала. В следующем моем фильме надежды вообще не будет. Человек — это животное, которое отстранилось от своей природы. Поэтому надежды нет. Но мы не должны ждать, мы должны развлекаться, нам веселее так.

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Издание осуществляется при государственной финансовой поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Газета сверстана в компьютерном центре «Экран и сцена». Дизайн и верстка Веры Кандевики. Тел. 609-00-46, e-mail: screenstage@mtu-net.ru

Отпечатано в ООО ИД «Медиа-Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Индекс 50182. Тип. № 602926.

Адрес редакции: 107031, Москва, Страстной бульвар, 10. Факс: (095) 609-00-46. Телефон секретариата: 609-00-46.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. «Экран и сцена» выходит по четвергам. Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистрационный № 1144.

Учредитель: АНО ЕГ «Экран и сцена». Цена свободная. Подписано в печать 6.12.06 г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.